

Антропоморфные статуэтки усатовской культуры

Усатовская культура – один из ярких феноменов раннего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье. Открытие и изучение основных памятников этой культуры связано, преимущественно, с деятельностью археологов Одесского археологического музея, среди них Владислав Григорьевич Петренко, посвятивший исследованию усатовских древностей более сорока лет своей жизни. Одним из ярких компонентов усатовского культурного комплекса является антропоморфная пластика. За время исследований найдено большое количество статуэток. Этим находкам, а также различным аспектам их изучения и интерпретации посвящена эта статья.

Усатовская культура: история исследований и проблема идентификации

Систематические исследования между селами Усатово и Большой Куяльник вблизи г. Одесса были начаты Одесским историко-археологическим музеем (теперь Одесский археологический музей НАНУ) под руководством М.Ф. Болтенко в 1921 г., а впоследствии продолжены под руководством Е.Ф. Лагодовской. М.Ф. Болтенко назвал необычные объекты, обнаруженные здесь, «полями культурных остатков» (Болтенко 1925). Причем с момента открытия комплекса памятников Усатово-Большой Куяльник М.Ф. Болтенко рассматривал их как особую археологическую культуру. По свидетельству Е.Ф. Патоковой, термин «усатовская культура» был впервые применен М.Ф. Болтенко в 1924 г. (Патокова 1979: 7). Следует отметить, что в целом последующая история определения статуса усатовских древностей выглядит довольно драматично.

М.Ф. Болтенко и Е.Ф. Лагодовская убедительно отстаивали принадлежность находок в Усатово к отдельной самостоятельной археологической культуре, генетически связанной с трипольской. Е.Ф. Лагодовская употребила также компромиссный термин «трипольская Усатовская культура» (Лагодовская 1948: 48–57). Исследовательница подчеркивала различия хозяйственно-культурных типов Триполья (земледельческий) и Усатово (скотоводческий), а также занимаемых территорий (Лагодовская 1943: 53–66; Селинов, Лагодовская 1940: 239–263).

Впоследствии мнение об Усатово, как о специфическом культурном феномене (но не варианте трипольской культуры) высказывали А.Я. Брюсов (Брюсов 1952: 228), Т. Сулимирский (Sulimirski 1968: 79–82) и другие исследователи. Специфичность усатовского феномена подчеркнута С.Н. Бибиковым и В.Н. Даниленко в первом обобщающем труде по древней истории Украины. Давая историческую интерпретацию археологическим материалам Усатово, авторы поддержали многие идеи, высказанные Е.Ф. Лагодовской (Нариси 1957: 63–72).

Необходимо отдельно остановиться на точке зрения на Усатово Е.Ю. Кричевского (Кричевский 1941: 245–253), сложившейся у него в конце 30-х гг. XX ст. Исследователь рассматривал усатовские материалы в контексте «исчезновения трипольской культуры», то есть как бы уже и не совсем трипольские. В то же время Т.С. Пассек критиковала приведенные выше точки зрения, исходя при этом из стадильной

теории Н.Я. Марра, согласно которой все изменения материальной культуры объяснялись не сменой культурных традиций, а переходом культуры на новую стадию развития (Пассек 1949: 183). Ошибочность положений стадийной теории, в том числе и в отношении культурогенеза, была показана в начале 50-х гг. XX ст. (например, Бибиков 1953: 284).

Таким образом, теоретическое основание для причисления усатовских древностей к трипольской культуре исчезло, что, однако, не повлияло на базирующиеся на нем выводы. До недавнего времени в советской, а затем и в отечественной историографии господствующей оставалась точка зрения Т.С. Пассек (Passek 1935), которая настаивала на принадлежности Усатова к трипольской культуре и рассматривала усатовские материалы как южный вариант позднего этапа («городско-усатовского») трипольской культуры (Триполье г II). Усатовские древности в неопубликованном исследовании Б.А. Латынина и Т.С. Пассек 1926–28 гг., рукопись которого хранится в Научном архиве ИА НАНУ (фонд ВУАК № 586), уже в 20-е годы XX ст. были определены, как «*южный вариант трипольской культуры*». В этом же фонде хранится статья Т.С. Пассек «Южная группа «Трипольской керамики» (Відейко 2004: 62). Окончательно такое понимание Усатова, а также и курганных погребений с расписной керамикой было закреплено в классическом труде Т.С. Пассек (Пассек 1949: 189–207).

Впоследствии и Е.Ф. Лагодовская, уже под давлением авторитета Т.С. Пассек, причислила усатовские древности к трипольской культуре (Лагодовська 1953: 96). Аналогичных взглядов позднее придерживались В. Г. Збеневич (Збеневич 1974: 160–161), В.А. Дергачев (Дергачев 2004: 111–113), Э.Ф. Патокова (Патокова 1979: 154) и многие другие исследователи. Парадоксально, но одни и те же данные лежали в основе диаметрально противоположных интерпретаций. Ни у кого не вызывали сомнения ни генетическая связь Усатова с Трипольем, ни различие их по основным параметрам, но, вопреки фактам, усатовские древности рассматривались в рамках трипольской культуры.

Возвращение усатовским древностям статуса археологической культуры в начале XXI в. произошло благодаря В.Г. Петренко (Петренко 2003: 135–143; Петренко 2004а: 560; Петренко 2013). В.Г. Петренко предложил и последовательно отстаивал современную интерпретацию комплекса усатовских древностей, а также убедительно доказал ритуальный характер объектов Большого Куяльника и «городища» в Маяках, которые рассматривал как своеобразные обрядовые центры усатовских племен (Петренко 2003: 138–141; Петренко 2013: 171–177).

Усатовская культура – яркий, но относительно кратковременный и территориально ограниченный феномен раннего бронзового века. Она существовала в конце IV – начале III тыс. до н.э. в степном регионе от Дуная до Южного Буга (Товкайло, Фоменко 2013), но большинство памятников сконцентрировано в нижнем Поднепровье (Петренко 2013: 168–169). Для нее характерны грунтовые и курганные могильники с монументальной архитектурой и ритуальные городища, которые образуют обрядовые комплексы, сейчас их известно два: Усатово-Большой Куяльник и Маяки, а также подкурганые погребения (рис. 1).

Для усатовской культуры, в отличие от трипольской, характерен скотоводческий культурно-хозяйственный тип. Вполне вероятно, что усатовские племена были первыми кочевниками степей Северо-Западного Причерноморья (Бурдо 2004: 195–197). По справедливому утверждению В.Г. Петренко, усатовская культура

оставлена развитым обществом, которое унаследовало высокие стандарты трипольской культуры, но демонстрирует другой тип развития и адаптации к окружающей среде и климатическим изменениям, характерный для иного, чем трипольский, культурно-хозяйственного типа (Петренко 2003: 144).

История изучения усатовской антропоморфной пластики

Антропоморфная пластика усатовской культуры отличается своеобразными типами статуэток, которые не находят прямых аналогий в других культурах энеолита, в том числе и в Триполье. Общие соображения об усатовских антропоморфных статуэтках высказаны Т.С. Пассек (Пассек 1949: 193), С.Н. Бибиковым (Бибиков 1953: 259–260), однако наиболее полно усатовская пластика проанализирована в работах Э.Ф. Патоковой и В.Г. Петренко.

Антропоморфным статуэткам из комплекса Усатово-Большой Куяльник и могильников Маяки посвящены отдельные разделы монографии Э.Ф. Патоковой (Патокова 1979: 35–40, 106–107, 140–143; Патокова и др. 1989: 50–81) и специальное исследование (Патокова 1986: 5–20). В них подробно проанализированы конкретные статуэтки, предоставлен контекстный анализ антропоморфной пластики, предложена классификация для антропоморфных фигурок из Усатово – Большой Куяльник (Патокова 1979: 36–40) и усатовской пластики в целом.

Э.Ф. Патокова выделила следующие типы фигурок: тип А (на кубовидном постаменте), тип Б – статуэтка на кубовидном постаменте с отдельными реалистичными чертами; тип В – стоячие, крайне схематичные («срезлиевского типа»); тип Г – большая статуэтка на кубовидном постаменте с реалистичными чертами. Проанализировано распространение разного типа фигурок на памятниках разных регионов (Патокова 1986: 5–20).

Э.Ф. Патокова обратила внимание на то обстоятельство, что фигурки каждой из погребальных групп сохраняют общие для всех стилистические особенности, но отличаются друг от друга отдельными деталями. По мнению исследовательницы, разнообразие форм пластики из Маяк может быть объяснено различным содержанием, которое в них вкладывалось. Она обратила также внимание и на то, что в одних и тех же комплексах находят антропоморфные изображения различных иконографических типов, что может быть свидетельством различного функционального назначения антропоморфных фигурок (Патокова 1986: 5–14; рис. 5).

В.Г. Петренко обращался к анализу усатовской пластики как в обобщающих, так и специальных работах. Он выделил для усатовской антропоморфной пластики пять типов: 1 – фигурки на кубическом постаменте («усатовского типа»), 2 – тип Красногорки, 3 – крупная статуэтка из могильника Маяки, 4 – колонновидные фигурки («срезлиевского типа»), 5 – единственный фрагмент статуэтки «Оранты» из Усатово-Большой Куяльник (Патокова и др. 1979: 102–105; Петренко 2004: 559–560; Петренко 2013: 189–192). Исследования В.Г. Петренко не касались особенностей конкретных статуэток, они имеют преимущественно обобщающий характер, посвящены социальному контексту и семантике усатовской антропоморфной пластики (Петренко 1980), а также публикации отдельных статуэток (Петренко 1989). Исследователь справедливо отмечал оригинальность антропоморфной пластики усатовской культуры, которая, по его мнению, не имеет с трипольской общих морфологических черт, а только сходные знаковые системы в декоре (Петренко 2013: 189).

В.Г. Петренко выделял в степном регионе распространения усатовских памятников два варианта традиции искусства мелкой пластики. По его мнению, для усатовских памятников низовья Днестровского региона типична антропоморфная пластика различных типов, в то время как в памятниках выше по течению Днестра присутствуют только статуэтки красногорского типа и типа Терновка. По мнению В.Г. Петренко, в целом усатовские фигурки отличаются, прежде всего, как «скорченные» и «выпрямленные», сидячие и стоячие, а эта типологическая дихотомия предметов культа указывает на наличие дуальных социальных структур в усатовском обществе.

В.Г. Петренко полагал, что усатовские статуэтки разных типов сосуществовали, более того, есть статуэтки, сочетающие черты фигурок различных типов в едином пластическом образе с яркой индивидуальностью, например, терракота большого размера из Маяк отражает образ «Великой Богини». Фигурки использовались в мистериальных культах, были приношениями – антропоморфными вотивами, воплощали образ одной или двух богинь, которые отвечали оппозиционным понятием жизни и смерти, а «эволюционные ряды» антропоморфной пластики, которые можно строить из ее типов, демонстрируют не генетически-хронологическую эволюцию, а мифологическую (Петренко 2013: 189–191).

По мнению В.Г. Петренко, «статуэтки дублируют практически весь фонд знаков-символов поздней трипольской культуры, характерный для ее расписной керамики» (Петренко 2013: 192), однако это утверждение – явное преувеличение, учитывая данные Т.М. Ткачука (Ткачук 2005: 310–416) о знаковой системе расписной керамики Триполья.

В.Г. Петренко обращает внимание на определенные аналогии усатовской антропоморфной пластики в культурах РБВ Коцофень и Фолтешть II и объясняет это явление «распространением сходных традиций изготовления пластики у сообществ Циркумпонтийской металлургической провинции» (Петренко 1989: 54).

Отдельные сюжеты в исследованиях В.Г. Збеновича связаны с усатовской антропоморфной пластикой. Предложена классификация усатовских статуэток по степени их реалистичности. По мнению В.Г. Збеновича, статуэтки на кубовидном постаменте усатовского типа появились под влиянием пластики серезлиевского типа, которая, по его мнению, характерна для памятников южно-бугского локального варианта позднего Триполья (Збенович 1974: 156). Однако детальный анализ пластики серезлиевского типа (Бурдо 2018) не подтверждает такие выводы.

В.А. Дергачев предложил классификацию антропоморфной пластики позднего этапа (С II) Триполья, в которую включены и усатовские статуэтки (Дергачев 1980: 62–64; рис. 13), однако вопросы детальной систематизации усатовской пластики не были рассмотрены. Исследователь подчеркивал, что типы усатовских статуэток распространены преимущественно на территории Северо-Западного Причерноморья.

А.П. Погожева (Погожева 1983: 101; 103) выделяла среди усатовской пластики статуэтки трех групп: на кубовидном постаменте, стоячие «традиционного стиля» (в терминологии других авторов «выхватинского типа»), и цилиндрические (серезлиевского типа). Таким образом, А.П. Погожева причисляла статуэтки серезлиевского типа к усатовской пластике. Такого же мнения придерживался ряд других авторов (Патокова 1986; Бурдо 2018а), однако детальный анализ антропоморфной пластики РБВ позволяет присоединиться к мнению В.А. Дергачева, В.Г. Збеновича, В.Г. Петренко о том, что статуэтки серезлиевского типа связаны с другими локальными груп-

пировками, вероятно, синхронными с усатовской культурой (Бурдо 2018). По мнению Т.Г. Мовши, серезлиевские и усатовские статуэтки на кубовидном постаменте «представляют собой степное явление, родившееся в земледельческо-скотоводческой среде, не исключено связанной с группой типа Нижней Михайловки» (Мовша 1984: 73–74).

Специфическая трактовка антропоморфного образа и предельная условность усатовских статуэток на кубовидном постаменте обусловили дискуссию об их трактовке. Поза усатовских фигурок первыми исследователями усатовской культуры М.Ф. Болтенко и Е.Ф. Лагодовской определялась как сидячая, с согнутыми в коленях ногами. Такого же мнения придерживались В.И. Маркевич (Маркевич 1981: 153), А.П. Погожева и Э.Ф. Патокова. Высказано также предположение, что характерная поза усатовских статуэток может соответствовать скорченной позе покойников в погребениях (Патокова 1986: 15–16; Петренко 2013: 191). Т.С. Пассек (Пассек 1949: 193) и В.Д. Рыбалова (Рыбалова 1964: 80) считали, что усатовские статуэтки изображают стоячую склоненную фигуру.

Классификация антропоморфной пластики усатовской культуры

Упомянутые выше классификации усатовской антропоморфной пластики, предложенные различными авторами, были построены преимущественно на основе степени схематизации статуэток. Такой подход кажется нам нецелесообразным, в основу нашей классификации положен принцип, используемый для классификации антропоморфной пластики культурного комплекса Триполье-Кукутень. Основным типобразующим признаком нами была избрана поза фигурок (Burdo 2014: 303–364).

Все типы статуэток относятся к схематическому стилю, а большинство даже к крайне схематическим антропоморфным изображениям. Выделены две группы статуэток – стоящие (I) и сидящие (II). Среди стоящих выделено три типа (рис. 2).

Тип I 1 – прямо стоящие схематические стройные фигурки с дисковидной головкой, которые типичны для всех локально-хронологических групп Триполье С II – выхватинский тип). Единичные фрагменты таких фигурок (7) найдены только при раскопках на ритуальном городище Большой Куяльник (Патокова 1979: рис. 14, 15–18). Вероятно, целесообразно считать их импортами из ареала распространения собственно выхватинской локально-хронологической группы Триполья.

Тип I 2 представлен немногочисленными крайне схематичными прямо стоящими фигурками ромбического силуэта. Наиболее выразительные три статуэтки *типа I 2* происходят из парного детского погребения № 2 кургана № 5 некрополя Маяк. Дети 7–8 лет погребены в прямоугольной яме скорченно на левом боку, ориентированы на восток. К погребальному инвентарю, расположенному возле головы, относятся шесть сосудов, в том числе два – расписные, медное шило и три статуэтки. Одна статуэтка найдена ближе к расписным сосудам, еще одна – рядом с другой группой сосудов, а третья – под большим сосудом с примесью раковины (Патокова и др. 1989, рис. 21, 1–17; 22, 1–3; с. 59). Статуэтки по форме идентичны (рис. 3, 9), довольно крупные, отличаются разной высотой, составляющей от 8,2 см до 9,5 см (Патокова 1986: 9), а также небольшими нюансами в декоре. Цвет статуэток темно-серый и светло-коричневый, окраска неровная, с желтыми пятнами. Они изготовлены из тонкоструктурной глины со значительной примесью мелко измельченных

раковин. На одной из фигурок видны крупные белые включения. Статуэтки-столбики отличаются ромбовидным абрисом, самая широкая часть приходится на середину высоты статуэтки, при этом понять, чему она соответствует – бедренным или плечевым выступам, типичным для трипольской антропоморфной пластики, невозможно. Верхняя и нижняя часть фигурок сходной усечено-конической формы, однако верх моделирован в виде округлой головки, а низ с цилиндрическим, слегка вогнутым основанием, в одном случае – с вертикальным отверстием. Декор – в виде тонких процарапанных линий, заполненных белой краской у двух более крупных фигурок. У этих же фигурок голову окружают тонкие штрихи. Шею у всех фигурок окружают тонкие параллельные линии (3–4), сходящиеся спереди под углом, в одном случае они разомкнуты (рис. 3, 9а). Такой декор на шее, как и моделировка головы, характерны для статуэток усатовского типа *II I a*, из обрядового центра Усатово-Большой Куяльник (рис. 4, 4, 6, 10–11), а также отмечен на одной статуэтке из городища Маяки (рис. 4, 26). Декор центральной и нижней части фигурок одинаков спереди и сзади. Ромбовидное тулово перекрещено лентами из трех параллельных линий. Цилиндрическое основание опоясано тремя параллельными линиями, по центру нижней части, а у двух статуэток и с боку, проходит два вертикальных ряда наколов. В декоре самой маленькой статуэтки отсутствуют штрихи на голове и наколы в нижней части.

Фрагменты похожих статуэток *tuna I 2* обнаружены в Маяках в некрополе, в погребении девушки 16–18 лет № 1 кургана № 6 (Патокова и др. 1989: 66; рис. 25, 20), детском погребении № 7 кургана № 8 (Патокова и др. 1989: 70; рис. 28, 5). Возможно, именно к этому типу относится фрагмент фигурки (Збенович 1974: рис. 38, 11) из заполнения рва в Маяках.

В Усатово в культовой яме № 2 второго грунтового могильника нижняя часть статуэтки *tuna I 2* обнаружена в группе с тремя статуэтками усатовского типа рядом с сосудами со шнуровым декором (Патокова 1979: 124; рис. 47, 2). Возможно, к этому же подтипу относятся некоторые не очень выразительные фрагменты из раскопок в Большом Куяльнике (Патокова 1979: рис. 14, 8–13). Отметим, что в обрядовых комплексах Усатово – Большой Куяльник и Маяки статуэтки *tuna I 2* представлены единичными, часто фрагментарными и не всегда диагностируемыми экземплярами (Патокова 1987: рис. 5, 14–16).

Tun I 3 – стоящие схематические фигурки с плоским овальным корпусом происходят из раскопок В.Г. Петренко ритуального городища в Маяках (Петренко 2004: 559). Одна фигурка стоит прямо – подтип *I 3 а* (рис. 3, 6), вторая чуть наклонена вперед – тип *I 3 б* (рис. 3, 4). Прямых аналогий статуэтки маяцкого типа не имеют.

В группе (II) сидящих фигурок выделено три типа, все воспроизводят антропоморфную сидячую фигуру с корпусом, наклоненным вперед.

Tun II 1 – статуэтки усатовского типа на кубовидном постаменте. К подтипу *II 1 а* отнесены фигурки с удлиненной цилиндрической верхней частью (рис. 3, 1–2, 10; 4, 1–13, 21, 26, 28–31), это наиболее распространенный тип; у статуэток подтипа *II 1 б* верхняя часть овального абриса, плоская в сечении (рис. 3, 11; 4, 24). К этому же подтипу относится большого размера статуэтка с реалистичными чертами в моделировании головы (рис. 3, 12; 4, 32). Большой размер маяцкой фигурки, ее поза, отдельные детали моделирования, в том числе и лица, находят определенные аналогии в статуэтке (рис. 7, 8) из погребения под курганом у с. Сушки (Бурдо 2013: 343). Прототипом статуэток усатовского типа, особенно подтипа *II 1 б*, можно считать фигурки культуры Чернавода I (Манзура 2013: 131, рис. 19, 20, 21).

Фигурки усатовского типа на кубовидном постаменте (*тип II 1*) из разных комплексов имеют общие технологические признаки. Они изготовлены из тонкоструктурной глины, цвет серый или темно серый, поверхность пятнистая. В массе четырех фигурок заметны природные золотистые минеральные примеси. Поверхность фигурок заглажена, у некоторых покрыта тонким слоем тонко отмученной глины и почти отполирована до блеска. Высота статуэток от 3 до 7 см. Статуэтки крайне схематизированные, воспроизводят сидячую склонившуюся вперед фигуру. Верхняя часть имеет вид наклонного стержня, овального в сечении, голова не выделена (завершение округлое или плоское), сливается с длинной шеей, которая расширяется и образует корпус до талии, где присоединена к непропорционально массивной нижней части в виде постамента в форме пирамиды с 4, очень редко с 3 гранями (рис. 3, 13) параллелепипеда или куба. Обобщенно постамент называют кубическим. Высота статуэтки примерно вдвое больше, чем высота постамента, а ширина его несколько больше высоты, иногда почти в 2 раза. У отдельных фигурок Большого Куяльника наколами или черточками обозначены глаза, нос, в двух случаях дугообразными линиями показаны уши (Патокова 1979: рис. 14, 2, 6, 7). У одной фигурки моделирована правая грудь, левая отсутствует (Патокова 1979: рис. 13, 10).

Большинство фигурок орнаментированы углубленным декором из тонких линий или отпечатков различных мелких штампов. Иногда прослежено заполнение углублений узора белой пастой. Система декора преимущественно стабильна. Выделяется три зоны – на шее, с четырех или трех сторон на постаменте. Шею обычно опоясывают 2–4 тонкие параллельные линии, не сомкнутые впереди. У некоторых фигурок сзади от нижней линии отходят 2, 3 или 4 короткие вертикальные линии. Постамент чаще орнаментированный со всех четырех сторон, но декор на разных гранях бывает как одинаковым, так и разным, иногда боковые или задняя грани лишены орнамента. Наиболее распространенный элемент декора – «М»-образные знаки (половина всех статуэток с декором), которые образуют вертикальные ленты, или расположены попарно или по три. Такие знаки изображены в сочетании с вертикальными элементами из линий или отпечатков прямоугольного штампа, а в одном случае – с концентрическими дугами. У одной фигурки на боковых и задней грани – декор из ломаных линий. На одной статуэтке изображены «W»-образные (а не «М»-образные) знаки (рис. 4, 6). Статуэтки Большого Куяльника преимущественно фрагментарны, а из некрополей – целые (рис. 4).

Пластика из II грунтового некрополя Усатова изготовлена из глины с примесью мелко истолченных раковин, иногда заметны более крупные частицы примесей. Крупным размером (высота 6 см), удлиненной верхней частью и почти одинаковым декором отличаются три фигурки из второй группы захоронений погребения № 5 и культовой ямы № 1 (рис. 4, 7–9; 7, 12). Э.Ф. Патокова предполагала, что орнамент на них был нанесен одним штампом. Меньшие фигурки высотой 4 см. У одной из них отсутствует декор на передней части постамента.

«М»-образные знаки присутствуют в декоре 4 статуэток. На двух из трех фигурках из культовой ямы № 3 третьей группы погребений передняя часть постамента орнаментирована по одинаковой схеме. Все фигурки четвертой погребальной группы отличаются небольшими размерами и сходным декором постаментов.

Наблюдаем определенное морфологическое и стилистическое сходство между статуэтками усатовского типа из Большого Куяльника, курганных и грунтовых некрополей Усатова (рис. 4). Отметим, что при этом состав глиняной массы фигурок различен для Большого Куяльника и некрополей Усатова.

Подавляющее большинство статуэток усатовского типа, найденных во рвах в Маяках, фрагментарны, из них только 4 были целыми. Их технологические и морфологические характеристики, как и общая система декора, в целом аналогичны статуэткам Усатова-Большой Куяльник. Сохранившиеся головки как плоские (рис. 4, 21), так и округлые (рис. 4, 26). Иногда условно переданы черты лица (рис. 4, 21, 26). Декор чаще всего в виде тонких прочерченных линий, иногда с заполнением белой пастой (Збеневич 1974: рис. 39, 4), штрихов, тонких наколов или оттисков тонкой трубочки (рис. 4, 21-26). Орнаментальные композиции фигурок из рвов разнообразны, практически каждая обладает индивидуальными особенностями в наборе символов. Знаки (рис. 4, 22–23, 25) в виде окружностей («солярные») присутствуют на фигурках из рвов (Збеневич 1974: рис. 39, 2–3). Узор на разных гранях постамента различен, в некоторых случаях боковые грани лишены декора. Встречаются фигурки без орнаментации (Збеневич 1974: 61).

Некоторые статуэтки, представленные фрагментарно, выделяются крупными размерами (рис. 3, 3). Моделировка головы с выступающим крупным носом одной из них¹ находит аналогии в пластике Триполья (рис. 3, 5).

В некрополях Маяк статуэтки усатовского типа изготовлены из тонкоструктурной глины с примесью мелко истолченной раковины. Эти фигурки отличаются несколько укороченными пропорциями и массивностью деталей по сравнению с усатовскими, плоской (а не округлой) головкой, некоторыми индивидуальными чертами, в том числе моделированием носа щипком, груди в виде округлых выступов, глаз в виде тонких наколов, передачей горба (Патокова 1986: рис. 1, 1) на спине одной из фигурок (рис. 4, 28). Уникальной является крупная статуэтка с реалистичными чертами в моделировке головы (рис. 3, 12; 4, 32). Необычны не только ее размер, но и пропорции, моделировка верхней части, шнуровой декор (Патокова 1986: 12–14). Использование шнурового декора зафиксировано для пластики Фолтешть (Збеневич 1974, рис. 38, 5), но его орнаментальные схемы различны.

Своеобразен декор фигурок из некрополя Маяк. Статуэтки из захоронения № 2 кургана (?) № 3 декорированы отпечатками круглого штампа, в том числе две – очень тонкой трубочкой (рис. 3, 12). Углубленные элементы орнамента заполнены красной краской (охрой). На передней грани постамента схемы декора у трех фигурок одинаковые, а сзади и на боковых гранях разные (Патокова 1979: 54; рис. 19, 1–9). В двух случаях орнамент нанесен на плоском срезе головки фигурок (рис. 3, 12; 4, 28, 31). На поверхности этих статуэток и в углублениях декора зафиксированы следы охры. В углублениях орнамента одной из фигурок (погребение 12) обнаружены следы заполнения белой пастой, а на поверхности – охры (Патокова 1986: 6).

Следует отметить общие черты усатовских статуэток из рвов и некрополей Маяк: моделировка лица, наличие крупных фигурок, декор из оттисков трубочки, «солярные» символы.

Усатовские фигурки, происходящие из Выхватинского могильника этапа Триполья С II (рис. 6) морфологически близки к находкам из Маяк. Одна из них отличается бедным декором (рис. 6, 4). На одной фигурке декор нанесен довольно небрежно, нечеткие знаки присутствуют на всех четырех сторонах постамента (рис. 6, 6). И только схема декора третьей фигурки (Pogoševa 1985: Abb. 985, 986, 987), в целом

¹ В монографии А.П. Погожевой фрагмент опубликован вверх ногами в виде основания фигурки (Погожева 1983: рис. 33, 8).

соответствует орнаментации усатовских статуэток (рис. 6, 5). Шею фигурки опоясывает лента из двух прочерченных линий, на всех сторонах постамента различные элементы. Спереди по центру изображен вертикальный ряд черточек, с левой стороны по центру – знак («звезда») в виде круга с лучами, с правой стороны знаки отсутствуют, по боковым граням слева изображены «М»-образные, а справа и по центру спины «V»-образные знаки, не имеющие аналогий в знаковой системе усатовской антропоморфной пластики². Знак «звезды» имеет определенную аналогию на фигурке из ритуального городища Маяки (рис. 3 2; 4, 26), на боковых сторонах постамента которой изображена «звезда» с 8 лучами (Патокова и др. 1989: рис. 35, 1). Именно сходство этих символов послужило основанием для Э.Ф. Патоковой считать усатовские фигурки из Выхватинцев импортом из Маяк. Отметим, что при морфологической и стилистической близости усатовской пластики из Выхватинцев со статуэтками из Усатова-Большой Куяльник и Маяк, все они отличаются специфичными знаковыми элементами.

Фигурка из Кислицы (случайная находка) изготовлена из песчанистой глины, орнаментирована прочерченными линиями, заполненными белой краской, поверхность ее тщательно залощена, обжиг достаточно сильный. Моделировка фигурки на кубовидном постаменте отличается массивностью и приземистостью (рис. 7, 5). Схема декора на фигурке из Кислицы полностью соответствует композициям усатовской пластики: на шее расположены 4 горизонтальные параллельные линии, не сомкнутые спереди. Сзади с этих линий свисают три вертикальных штриха. Такой элемент орнаментации находит аналогии в декоре трех статуэток из усатовских могильников (Патокова 1979: 105, рис. 17, 5; с. 46; 128–129, рис. 48, 7–8), а также фигурки из погребения 12 комплекса V в Маяках (Патокова и др. 1989: 66; рис. 25, 13). Индивидуальные особенности статуэтки из Кислицы – вертикальные черточки на плечах (по данным В.Г. Петренко, 5 на левом плече, 4 на правом (Петренко 1989: 53), а также глаза в виде двух точечных наколов. На кубовидном постаменте на всех четырех гранях главным элементом композиции выступают вертикальные ряды из «М»-образных знаков, образованных крупными угловыми элементами, что находит отдаленные аналогии в декоре статуэтки из грунтового некрополя Усатова (рис. 4, 6). Спереди колонка из 4 знаков фланкируется вертикальными рядами (7 черточек справа, 6 слева) горизонтальных черточек, нанесенных на грани постамента. В отличие от типичного усатовского декора, «М»-образные знаки крупные, образованы ломаными линиями, соединенными под углом, которые нанесены довольно небрежно. На боковых гранях нанесено по три «М»-образных знака, скомпонованных в колонку, сзади колонки из «М»-образных знаков расположены по краям постамента, причем слева в колонке 5 знаков, а справа – 5.

В.Г. Петренко усматривает закономерности «чет-нечет» в чередовании мелких элементов (знаков) декора, причем справа размещено нечетное число знаков, а слева – четное, что, по его мнению, связано с бинарными оппозициями, а такие особенности кислицкой статуэтки, как и в целом усатовской антропоморфной пластики, определенным образом взаимосвязаны с их четырехсторонностью и числовыми комбинациями, имеющими параллели в архаических календарных системах (Петренко 1989:

---

² В изображении знаков на спине этой статуэтки в некоторых публикациях вкралась ошибка – на спине нарисованы «М»-образные, а не «V»-образные знаки (Дергачев 1980: рис. 25, 1; Дергачев, Манзура 1991: рис. 20, 9). Правильное изображение Pogoševa 1985: Abb. 987.

53–54). К сожалению, другие образцы антропоморфной усатовской пластики не позволяют сделать аналогичных наблюдений.

В целом статуэтки усатовского типа воспроизводят сидящую в наклоненной позе антропоморфную фигуру с согнутыми в коленях ногами, подтянутыми к груди. Такая поза почти уникальна и не находит прямых аналогий в антропоморфной пластике Юго-Восточной Европы. В определенной степени прототипом такой позы можно считать сидящую статуэтку (рис. 7, 13) культуры Винча (Parzinger 1993: t. 212, 18), а также фигурки «Мыслителя» Прекукутень-Триполье А (Бурдо 2013: рис. 11; Pogoševa 1985: abb. 364) с поселения Тирпешть и Луки-Врублевецкой (рис. 7, 14). Среди трипольской антропоморфной пластики сидящие фигурки со склоненным корпусом встречаются очень редко (Бурдо 2013: 318–320).

Тун II 2 (красногорский) представлен двумя большого размера статуэтками из детского погребения кургана 204 у с. Красногорка (рис. 3, 7–8). Статуэтки³, давшие название особому типу пластики усатовской культуры, столь необычной формы, что не были распознаны автором раскопок как антропоморфные изображения (Гошкевич 1903: 127, табл. XIII, 91, 92).

Статуэтки из Красногорки воспроизводят сидящую, с воздетыми и согнутыми под острым углом в коленях ногами, антропоморфную фигуру (в одном случае, несомненно, женскую) с наклоненным вперед корпусом. У большей по размеру фигурки, разломанной в древности пополам, выпуклым выступами обозначена левая грудь, вместо правой груди – ямка (рис. 3, 8). Верхняя часть статуэток подобна по моделированию усатовским подтипа II 1 б, а нижняя условно воспроизводит изогнутые в коленях ноги. Плоский овальный торс и детализация в моделировке ног одной из фигурок с декором в виде коротких штрихов (рис. 3, 7) находит отдаленные аналогии со статуэткой (рис. 3, 13) из некрополя Маяки (Патокова 1986: рис. 3, 1). Красногорские статуэтки можно трактовать как миксаморфное изображение, в котором совмещены антропоморфные (женские) и зооморфные черты, так как верхняя часть этих фигурок напоминает изображение кобры (Ржевська 2004: 573–574).

Тун II 3 (терновский) представлен статуэткой и фрагментом из захоронения № 1 кургана № 2 у с. Терновка (Агульников, Сава 2005: рис. 97, 4–5). Фигурки изготовлены из тонкоструктурной глины с примесью песка, цвет коричневый, обжиг равномерный, но слабый, что и объясняет плохую сохранность изделий. Верхняя часть статуэтки овальная, в сечении плоская, сходна по моделировке со статуэтками красногорского типа, груди обозначены маленькими выпуклыми выступами. Женская сидящая фигурка выполнена с элементами натурализма в моделировании головы и ног (рис. 7, 17). В отличие от усатовских и красногорских фигурок, ноги моделированы согнутыми в коленях почти под прямым углом и опущенными вниз. Такая поза предполагает наличие какого-то сиденья. В голове статуэтки сделано чашевидное углубление, обозначены черты лица, что сближает эту фигурку с большой статуэт-

---

³ Отметим, что на протяжении многих лет в публикациях приводились не оригинальные (Ржевська 2004: 574), а рисунки статуэток из Красногорки (Пассек 1949; Pogoševa A.P. 1985: abb. 1040–1041; Манзура 2013: рис. 19, 19; Петренко 2013: рис. 38, 2, 4). До Второй мировой войны фигурки хранились в Херсонском областном краеведческом музее (Добровольский. Табл. III, 204), были вывезены оккупантами. Толька одна из статуэток была возвращена в результате реституции в Херсонский музей (Ржевська 2004: 573–574).

кой с реалистичными чертами из детского захоронения № 12 комплекса V в Маяках (рис. 7, 11).

Контекстный анализ усатовской пластики

Нами учтено 117 антропоморфных статуэток, которые можно связывать с усатовской культурой. Они выявлены в ритуальных комплексах Усатово-Большой Куяльник и Маяки, а также в погребениях под курганами (табл. 1).

Рассмотрим контекст находок по каждому из приведенных в таблице 1 памятников.

Таблица 1.

Антропоморфные статуэтки усатовской культуры

Объекты	Количество	Библиография
Усатово-Большой Куяльник		
Большой Куяльник (городище)	39	Патокова 1979: 34–40
Усатово, I курганный могильник (15 курганов)	1	Патокова 1979: 143
Усатово, II курганный могильник (3 кургана)	6 (из них 4 в одной культовой яме)	Патокова 1979: 143
Курганные могильники вместе	7	Патокова 1979: 106–107
Усатово, II грунтовой могильник: культовые ямы (4 ямы)	8 (из них 4/1; 2/1; 1/кенотаф; 1/1)	Патокова 1979: 140–143
Усатово, II грунтовой могильник: детские погребения (2 погреб.)	3 (из них 1/1; 2/1)	Патокова 1979: 140–143
Усатово, II грунтовой могильник: в 1 мужском погребении	3 в 1 погреб.	Патокова 1979: 140–143
II грунтовой могильник вместе	14	Патокова 1979: 140–143
Всего Усатово-Большой Куяльник	60	
Маяки		
Маяки – ров	25	Збенович 1974: 33 Петренко 2004: 559
Маяки – могильники	11	
Маяки всего	36	
Курганы		
Курган Садовое	5 (в 1 погребении)	Малюкевич, Агульников, Попович 2017: 24–25, рис. 6, 9, 12–13.
Курган Терновка	3 (в 1 погребении)	Агульников, Сава 2005, рис. 97, 3-5
Курган Красногорка	2 (в 1 погребении)	
Ташлык II Культурный слой	1	Фоменко та ін. 2014: рис. 2, 8.
Кислица (случайная находка)	1	Петренко 1989
Всего	117	

Большой Куяльник

По сведениям Э.Ф. Патоковой, наибольшее количество статуэток усатовской культуры происходит из раскопок «городища» в Большом Куяльнике. По мнению первых исследователей, проводивших эти раскопки, здесь представлены различные культовые объекты, но не обнаружено бытовых комплексов. В.Г. Петренко убедительно показал, что Большой Куяльник является археологическим памятником, принадлежащим к типу ритуальных городищ, или священных поселений (Петренко 2013: 171–172.).

К сожалению, утеряна полевая документация, а отсутствие подробных публикаций не позволяет сейчас установить конкретные места находок фигурок. Имеются сведения о том, что некоторые из них были найдены в углублении в каменной породе в форме головы быка и вблизи сооружения из известняка, которое М.Ф. Болтенко трактовал как жертвенник (Пассек 1949: 193). Статуэтки обнаружены преимущественно фрагментированными. Большинство – 21 находка – относятся к пластике усатовского типа (на кубовидном основании), из них только 2 фигурки целые, еще у 14 утрачена верхняя часть, 6 представлены лишь верхними частями (Патокова 1979: 34.). Пластика других типов представлена невыразительными фрагментами, 6 из них, возможно, связаны с типом I 2. Шестью фрагментами представлены статуэтки вихватинского типа.

Усатово, некрополи

В двух курганных могильниках Усатово (I и II), где раскопаны 18 курганов, найдено 7 антропоморфных фигурок, сконцентрированных в 4 комплексах. В первом курганном могильнике из 15 курганов найдена в культовой яме кургана I / 2 одна статуэтка усатовского типа высотой 6 см. Культовая яма была обнаружена под каменной выкладкой в юго-западном секторе кургана. Кроме статуэтки здесь найдены амфора из глины с примесью толченых раковин, и расписная чаша с крестообразным узором из «W»-образных знаков (Патокова 1979: рис. 17, 3–5).

Во втором курганном могильнике две статуэтки происходят из кургана II/1. Одна целая фигурка была обнаружена во время расчистки кромлеха в юго-восточном секторе, а еще одна – в культовой яме № 5. В культовой яме № 3 кургана II / 2 (рис. 3, 3) были найдены 4 фигурки.

Яма № 3 (6) обнаружена под плитой с чашеобразным углублением (диаметр 10 см) на поверхности у южного выхода из внешнего кромлеха. Яма, квадратная в плане, размером 1х1 м, глубиной 0,3–0,4 м была заполнена чистой глиной, вероятно, выброшенной из центрального погребения. На дне ямы обнаружена голова быка, изготовленная из известняка. У левого рога лежала шаровидная амфора, сосуд из глины с примесью ракушки. Пространство между сосудами посыпано белым порошком. У стенки ямы найдена амфора из глины с примесью ракушки, со шнуровым декором из косых крестов, и еще такая же, но без декора. Среди находок в яме было 5 коронок человеческих зубов. Справа от каменной головы быка зафиксирована кучка охры малинового цвета, ниже – *«четыре одинаковых фигурки из необожженной глины, лежащих плотно друг возле друга парами в два ряда»* (Селинов, Лагодовская 1940: 253; рис. 21, 23).

Т.С. Пассек в свое время безосновательно утверждала, что Е.Ф. Лагодовская, которая исследовала курган, не поняла, что выявленные ею фигурки антропоморфные, и не смогла раскрыть их символику, а «исследование этих фигурок в коллекции Одесского археологического музея показало, что они изготовлены из палево-розовой массы, аналогичной посуде с черной росписью. Масса с примесью мелкозернистого песка подвержена обычном окислительному обжигу» (Пассек 1949: 199).

В приведенном выше описании Т.С. Пассек наблюдаем определенные противоречия между сведениями об этих статуэтках, предоставленных Е.Ф. Лагодовской. Фигурки на трехгранном постаменте (Патокова 1979: рис. 32, 17; с. 81–82; Пассек 1949: 199; рис. 97, 6.) не орнаментированы, плохой сохранности, что позволяет доверять версии Е.Ф. Лагодовской об отсутствии их обжига. Отсутствие обжига или очень слабый обжиг подтверждает и палевый цвет глины. Вероятно, именно такого цвета была сырая глина, которая при обжиге (вероятно, в костре) приобретала серый цвет. Слабый обжиг объясняет и плохую сохранность фигурок из этого уникального комплекса, поскольку до наших дней они не сохранились.

Среди некрополей наибольшим числом антропоморфных статуэток отличается II грунтовой усатовский могильник, где из разных групп погребений происходят 14 фигурок. Среди первой группы погребений под закладкой из камней обнаружена яма № 3. Она прямоугольная в плане, углы закруглены, размеры 1,4x1,1 м, глубина 0,4 м, ориентация восток-запад. В засыпке ямы найден зуб человека, обломок косточки, фрагмент горшка. На дне ямы в центре стояла статуэтка усатовского типа с «М»-образными знаками рядом с маленьким сосудом. Исследователи предполагают, что этот объект можно рассматривать как кенотаф (Патокова 1979: 116; рис. 39, 15–16).

В этой же группе погребений антропоморфные статуэтки были обнаружены среди заклада над детским погребением № 5 (рис. 3, 4). Заклад аморфный в плане, размерами 1x0,6 м, выложенный из двух ярусов камней. На одном из камней верхнего яруса обнаружена статуэтка усатовского типа со штампованным декором и фрагменты расслоившихся сосудов плохого обжига. Под камнем, на котором лежала статуэтка, обнаружена еще одна, почти такая же, с небольшими нюансами в схеме декора, а также плохо обожженный горшок из глины с примесью ракушки (Патокова 1979: 118; рис. 43, 9, 12–13). Во второй группе погребений в культовой яме № 1 (в плане почти квадратная, размеры 0,8x0,7 м, глубина 0,1 м), которая на поверхности была обозначена одним камнем, обнаружена статуэтка, сходная с обнаруженными в закладе детского захоронения № 5, а также чаша из глины с примесью ракушки (Патокова 1979: 116; рис. 44, 5, 10).

В первой группе погребений обнаружена культовая яма № 2, в плане овальная, размерами 1x0,5 м, глубиной 0,3 м. В юго-западной части ямы на боку лежали две слабо обожженные фигурки усатовского типа, одна из них расслоилась, рядом было 4 сосуда (Патокова 1979: 120; рис. 44, 8–9, 11–13).

К третьей группе грунтовых могильников принадлежала яма № 2, зафиксированная в 2 м от захоронения № 1. Яма прямоугольная, углы скруглены, размеры 1,3x1 м, глубина – 0,5 м, ориентация запад-восток. В засыпке ямы найдена одна маленькая человеческая кость. На дне в северо-восточном углу стояли два небольших сосуда со шнуровым декором, в одном из них находилась статуэтка усатовского типа (рис. 5, 1–2), рядом найдены еще две такие фигурки, и нижняя часть стоящей статуэтки (Патокова 1979: 124; рис. 46, 6–8; 47).

К четвертой группе относится захоронение № 3. Могильная яма не прослежена, захоронение обнаружено на глубине 0,8 м. Похоронен пожилой мужчина, головой на северо-восток. На расстоянии 0,2–0,3 м от черепа найден сосуд из глины с примесью раковины и три статуэтки усатовского типа из аналогичной массы, одна из них на трехгранном постаменте (Патокова 1979: 124; рис. 48, 4, 7–9).

К пятой погребальной группе относится детское захоронение № 5, обнаруженное под каменной закладкой. Среди камней закладки обнаружены фрагменты расписной чаши и статуэтка усатовского типа (Патокова 1979: 133; рис. 51, 3–5).

Интересно, что во II грунтовом могильнике, который дал больше всего находок антропоморфной пластики, орудия труда и предметы вооружения представлены только 1 кремневым острием стрелы, 2 трапециями и миниатюрным медным шилом (Патокова 1979: 141–142).

Таблица 2.

Распределение антропоморфной пластики в погребениях усатовской культуры

Комплексы	Количество объектов с пластикой	Количество статуэток по объектам			Всего статуэток
		культовые ямы	захоронения	заклады	
Усатово, I курганный могильник (15 курганов)	1	1			1
Усатово, II курганный могильник (3 кургана)	3	2		1 кромлех	6
Усатово, II грунтовой могильник	9	1+1+4+2	детское 1 мужское 3	детское 2+1	14
Маяки – могильники	5		детские 4, девушка 1 1/4+1/3+ 1/2+1/1+1/1		11
Садовое	1		1/4		4
Терновка	1		1/3		3
Красногорка	1		2		2

Маяки, рвы

На городище в Маяках В.Г. Збеновичем были проверены раскопки трех рвов. По мнению автора, рвы имели оборонительный характер, а поселение, которое они окружали, разрушено оползнями (Збенович 1974: 23–35). Однако более убедительно выглядит в настоящее время точка зрения В.Г. Петренко, который полагал, что рвы были главным структурным элементом ритуального городища. Это подтверждается как конфигурацией рвов, так и их заполнением, которое содержит большое количество остатков материальной культуры, прослойка пепла, скопление угольков и кусков обожженной глиняной обмазки с примесями полов, костей животных, рыб. Присутствуют также человеческие кости взрослых и детей. Рвы заполнялись послойно длительный период времени. Вероятно, здесь происходили определенные обряды, в том числе и те, что сопровождалась забоем скота, преимущественно, как установили археозоологи, во время зимнего и летнего солнцестояния. Это подтверждает правильность интерпретации городища в Маяках как ритуального, а сочетание его с некрополями свидетельствует о существовании тут обрядового центра длительного использования (Петренко 2013: 175–177).

Находки во рвах залегают бессистемно, скопления не прослежены. Редко встречаются развалы сосудов и большие фрагменты керамики. Иногда обломки одного сосуда находят на значительном расстоянии друг от друга и на разных глубинах. Особенно интенсивно насыщены находками «кострища», которые зафиксированы в разных слоях рвов, иногда они залегают друг над другом. Толщина слоев пепла в этих слоях достигает 0,2–0,4 м. В одном из кострищ найден череп собаки. Из кострищ происходят многочисленные обугленные кости животных, фрагменты керамики с копотью, куски обожженной глины, иногда антропоморфные статуэтки (Збенович 1974: 24–25).

Интерпретации рвов как структурного элемента ритуального городища полностью соответствуют находки антропоморфных статуэток, которых обнаружено здесь 25 единиц (рис. 4, 21–26).

Маяки, некрополи

В некрополях Маяк было исследовано более 30 погребений усатовской культуры, но 11 антропоморфных статуэток происходят лишь из 5 погребений, из которых 4 – детских и 1 – девушки 16–18 лет (табл. 2).

В детском захоронении № 2 кургана (?) № 3 найдены четыре усатовские антропоморфные статуэтки. Одна фигурка без орнаментации, со следами от полос, нанесенных на верхней части коричневой краской, лежала у черепа сзади. Три фигурки вместе с сосудом из глины с примесью толченых раковин, каменным отщепом и медным шилом находились перед согнутыми руками покойника (Патокова 1979: 54; рис. 19, 1–9).

В парном детском захоронении № 2 кургана № 5 найдены три стоячие схематические антропоморфные фигурки. Фигурки с прочерченным декором почти одинаковые, отличаются высотой и деталями декора (рис. 3, 9). Две более крупные фигурки находились сзади у черепа одного из детей, меньшая была рядом с сосудом у восточной стенки ямы. В погребальный инвентарь входили также еще 5 сосудов, в частности расписная амфора на ножках и медное шило (Патокова 1989: 59; рис. 21, 11–17, 22, 1–3).

В детском захоронении 12 грунтового могильника (комплекс V) найдены две антропоморфные статуэтки на кубовидном постаменте, которые находились у рук покойного. На обеих фигурках зафиксированы следы красной охры. Большая статуэтка (рис. 3, 12) лежала лицом вниз, на нее была положена фигурка стандартного для усатовской пластики размера. Другой инвентарь: медное шило, 4 бусины из гагата, сосуд со следами жидкой охры изнутри (Патокова и др. 1989: 66; рис. 25, 5–8, 13).

В захоронении № 1 кургана № 6, принадлежавшего женщине в возрасте 16–18 лет, найден фрагмент антропоморфной стоящей фигурки в северо-западном углу могильной ямы рядом с двумя сосудами. Другой инвентарь: 6 сосудов, два обломка деревянных предметов (Патокова и др. 1989: 66; рис. 25, 20–21, 26, 1–6).

В детском захоронении № 7 кургана № 8 почти в центре на дне могильной ямы находилась слабо обожженная антропоморфная стоящая фигурка, от которой остались только отдельные фрагменты. Она находилась на 0,1 м ниже уровня залегания скелета. Другой инвентарь был на уровне погребения, это два сосуда и створка раковины *Ulipu* (Патокова и др. 1989: 70; рис. 28, 4–7).

Усатовские статуэтки в захоронениях под курганами

Известны лишь три курганных комплекса усатовской культуры в Поднестровье, кроме могильников Усатово и Маяки, где найдены антропоморфные фигурки. Статуэтки в каждом кургане имеют индивидуальные особенности.

В захоронении № 31 кургана № 1 у с. Садовое (рис. 5, 5), раскопанного на правом берегу Днестровского лимана, скопление из фрагментов от 4–5 антропоморфных слабо обожженных крупных статуэток, а также миниатюрный сосуд обнаружены сзади у черепа скорченного скелета. Другой инвентарь: за спиной три сосуда, каменное лощило; в 0,1 м от черепа – кремневый отщеп, у шейных позвонков – подвески из молочных зубов оленя (Петренко 2004б: 284–285; Малюкевич и др. 2017: 24–25). Антропоморфные статуэтки из Садового только в целом соответствуют канонам усатовской антропоморфной пластики. Они отличаются плохим обжигом, большими размерами, отсутствием декора.

В кургане № 204 у с. Красногорка на левом берегу Днестра во время раскопок И.Я. Стемпковского в 1897 г. найдены две большого размера антропоморфные статуэтки (рис. 3, 7–8). Они обнаружены в детском захоронении у кистей рук. Рядом с черепом найдены два расписных сосуда (Гошкевич 1903: 127, табл. XIII, 91, 92), которые не сохранились.

У с. Терновка на Левобережье Днестра (Республика Молдова) в погребении № 16 кургана № 1 найдена женская статуэтка и верхняя часть такой же статуэтки, а также керамическая поделка, которую можно рассматривать как очень условное антропоморфное изображение (Агульников, Сава 2005: 197–199; рис. 97, 2–5). Это погребение основное в кургане (следующее по хронологии погребение относится к ямной культуре). Погребальная яма, прямоугольная в плане, со скругленными углами, ориентирована по оси северо-запад – юго-восток. Несмотря на разрушения кровинами, установлено, что костяк в скорченном положении лежал на спине, головой на восток.

Слева от черепа компактно залегали предметы пластики (женская статуэтка и антропоморфная поделка) и одна графитовая (?) бусина. Верхняя часть антропоморфной статуэтки найдена возле ступней. В районе тазовых костей зафиксирован

тонкий слой подстилки темно-коричневого цвета. В области грудной клетки и тазовых костей обнаружено 150 белых бусин в виде колечек (55) и цилиндров (95), среди них находились также четыре миниатюрные цилиндрические поделки диаметром 3 и 4 мм. Вероятно, погребение № 16 относится к усатовской культуре. Найденные в нем женские статуэтки были одинаковыми, отличаются только по размеру: целая статуэтка (рис. 7, 17) высотой 11 см несколько крупнее, чем та, от которой сохранилась только верхняя часть. Очевидно, плохая сохранность фигурок обусловлена слабым обжигом.

Выхватинский грунтовой некрополь. Здесь найдены три антропоморфные статуэтки усатовского типа на кубовидном постаменте (рис. 6). В.А. Дергачев вполне обоснованно считает их усатовским «импортом» (Дергачев 1980: 84; 101; 191, рис. 25, 1–3). Э.Ф. Патокова предполагала, что они могут быть связаны непосредственно с Маяками (Патокова 1986: 8), однако декор выхватинских статуэток усатовского типа отличается своеобразием и не позволяет в настоящее время с полной уверенностью связывать их с конкретными памятниками усатовской культуры.

Всего из 54 раскопанных в некрополе Выхватинцы захоронений происходят 14 антропоморфных фигурок, три из них усатовские, связанные с двумя погребениями.

Усатовская статуэтка без орнамента находилась среди костей грудной клетки в захоронении девочки (рис. 6, 1) в возрасте около 9 лет (погребение № 52 (47)). У шейных позвонков найдены раковины *Vulgaris*, вероятно, от ожерелья, у ног стояла расписная чаша, в которой находилась емкость с примесью толченой ракушки, а рядом – два сосуда аналогичного типа. Кроме того, в погребении обнаружены 2 женские фигурки выхватинского типа разного размера. Они были положены перед лицом, причем одна лежала на второй. Верхняя фигурка большего размера (высота 23 см), под ней – фигурка беременной высотой 13 см. Отметим сходную ситуацию расположения статуэток в Маяках в захоронении 12 грунтового могильника (комплекс V) (Патокова и др. 1989: 66; рис. 25, 5–8, 13). Ориентация фигурок и покойника – головой на север – совпадают. Среди фрагментов керамики найден кремневый отщеп (Дергачев, Манзура: 32; рис. 18, 10–14, 19, 1–4).

В детском (ребенок до 2 лет) захоронении № 57 (42) найдено 7 сосудов. У ног стояла расписная чаша, в которой находились створки раковины *Unio* и орнаментированная усатовская статуэтка высотой 6, 8 см (рис. 6, 5). Нахождение статуэтки в сосуде зафиксировано в культовой яме некрополя Усатова. Рядом находился обломок сосуда с шнуровой орнаментацией и еще одна такая фигурка меньшего размера (высота 5,4 см). 5 сосудов стояли у головы, в частности еще одна расписная чаша (Дергачев, Манзура: 33; рис. 20, 8–16).

Кроме крупных коллекций усатовской пластики необходимо остановиться на единичных находках. Типичная для усатовской культуры статуэтка (случайная находка) найдена у с. Кислица Измаильского района (Петренко 1989: 52–54). Это самая юго-западная точка нахождения антропоморфной усатовской пластики. Территория Нижнего Подунавья входила в зону распространения усатовской культуры, но в погребениях статуэтки здесь не обнаружены.

Самой восточной находкой усатовской пластики является фрагмент нижней части стоящей статуэтки (рис. 3, 15) на многослойном памятнике Ташлык II в Побужье (Фоменко и др. 2014: 137–147; рис. 2, 8). Эта находка выглядит вполне убедительной в связи с открытием могильника усатовской культуры в урочище Гард на берегу Южного Буга (Товкайло, Фоменко 2013).

Анализ погребений со статуэтками серезлиевского типа показывает, что они не связаны с усатовской культурой (Бурдо 2018).

Подводя итоги контекстного анализа усатовской антропоморфной пластики, следует подчеркнуть, что массовые находки статуэток связаны с обрядовыми центрами усатовской культуры Усатово-Большой Куяльник и Маяки. Использование фигурок было, вероятно, достаточно разнообразным.

На ритуальном городище Большой Куяльник фрагментарные фигурки обнаружены в углублениях ритуального характера. В Маяках на городище находки фрагментов статуэток связаны с линзами культурных остатков в рвах.

Антропоморфные статуэтки из некрополей в Усатово и Маяках чаще всего целые, а их фрагментация, на наш взгляд, может быть объяснена плохим обжигом терракот. В целом антропоморфные фигурки не являются обязательным атрибутом погребального обряда усатовской культуры, встречаются лишь в отдельных погребениях, часто (но не обязательно) в детских погребениях, причем в значительной части случаев в одной могиле находят более 1 статуэтки. Достоверно зафиксировано нахождение 4 фигурок, а в погребении кургана Садовое предположительно было положено 4–5 антропоморфных терракот. В захоронениях усатовской культуры с антропоморфной пластикой в погребальный инвентарь почти всегда (исключение – погребение из кургана у с. Терновка) входят сосуды, реже – украшения и другие предметы. Находки антропоморфной пластики характерны для погребений некрополей в Маяках, а в могилах усатовских некрополей единичны. В Усатово большая часть антропоморфных терракот (часто плохо обожженных) происходит из культовых ям. Как и в погребениях, в них находят 1–4 фигурки вместе с другим инвентарем, чаще всего разнообразными сосудами.

Выводы

Наиболее распространенным типом антропоморфной пластики усатовской культуры являются статуэтки на кубовидном постаменте. Эти фигурки близки между собой по размерам, технологическим и морфологическим признакам. Они передают антропоморфный образ в виде сидящей на корточках склоненной вперед фигуры. Грудь обозначена лишь у отдельных статуэток, но их все предположительно определяют как женские изображения.

В целом уникальный облик усатовских терракот позволяет предположить, что они воспроизводят сакральный миксаморфный персонаж, сочетающий антропоморфные (женские) черты и черты зооморфные, – может быть, фантастической змеи. В особенности четко это демонстрируют красногорские фигурки (рис. 3, 7–8).

В.Г. Петренко настаивал на *«нарочитой фалломорфности головы»* статуэтки из Кислицы (Петренко 1989: 53) и округлых (грибовидных) головок усатовских фигурок, их *«титифаллическом облике»* (Патокова и др., 1989: 103). Если принять эту версию (хотя она и представляется нам маловероятной), то некоторые усатовские фигурки отражают образ андрогина – мифического двуполого персонажа, который демонстрирует идеальное существо, объединяющее все сущности, в том числе мужское и женское начала. Образ андрогина присутствует в антропоморфной пластике древних культур, в частности в Триполье-Кукутень (Burdo 2014: 335).

При морфологическом и идеологическом единстве, а также специфичности усатовской антропоморфной пластики, степень стандартизации статуэток невысока.

Самый распространенный тип статуэток на кубовидном постаменте характерен для ритуальных комплексов Усатово-Большой Куяльник и Маяки.

По символам декора наибольшее сходство зафиксировано для фигурок внутри разных составляющих обрядовых центров (городища и некрополей). Находки статуэток каждого курганного погребения представляют особый тип усатовской пластики.

Отметим, что практически каждая фигурка, к какому бы типу усатовской пластики она ни принадлежала, отличается в большей или меньшей степени размерами и специфическими элементами декора. Абсолютно одинаковых статуэток нет, даже в тех случаях, когда близкие по размеру и декору в целом статуэтки происходят из одного погребения.

При морфологическом однообразии статуэток в целом, их декор демонстрирует значительное разнообразие в деталях в пределах общего принципа построения орнаментальных схем. Орнаментальные композиции выполнены по устойчивым канонам, отчасти обусловленным формой терракот, но отличаются элементами декора, образующими знаковую систему. Декор состоит из определенной комбинации знаковых элементов и их размещения на статуэтке.

Сравнение декора и некоторых деталей статуэток из разных объектов Усатово-Большой Куяльник показывает, с одной стороны, заметную разницу между городищами и некрополями в каждом комплексе, а с другой – различия между пластикой из Усатово-Большой Куяльник и Маяк (рис. 4). Четко фиксируются различия по двум параметрам – форме головки (чаще округлая у статуэток из некрополя Усатово и обычно плоская у фигурок из Маяк), а в особенности в знаках, используемых в качестве элементов орнаментальных композиций. Так, в городище Большой Куяльник преобладают «М»-образные знаки, встречаются они и на статуэтках из усатовского некрополя, но отсутствуют на статуэтках из Маяк. Разница в знаковой системе антропоморфной пластики разных комплексов усатовской культуры позволяет предположить, что узор фиксировал идентичность определенных социальных групп усатовских племен.

Следует обратить внимание на различие в использовании антропоморфных статуэток в некрополях Усатова, где фигурки обнаружены в культовых ямах, и Маяк, где статуэтки входили в погребальный инвентарь преимущественно детских захоронений.

Усатовские статуэтки на кубовидном постаменте сходны с фигурками культуры Чернавода II трактовкой сидящей фигуры, а фигурки подтипа IIIб с овальной, плоской в сечении верхней частью находят аналогии в моделировке верхней части статуэток той же культуры II (рис. 7). В то же время трактовка головы с большими ушами с проколами у крупной усатовской статуэтки с реалистическими чертами в моделировке лица (рис. 3, 12) находит аналогии в пластике культур Караново VI и Гумельница. Наиболее близкие аналогии фигуркам на кубовидном основании известны в культуре Фолтешть (Збенович 1974: рис. 38, 5).

Статуэтка из Терновки в целом находит близкие аналогии в трипольской пластике (рис. 7, 16), но моделировка овальной и плоской в сечении верхней части и головы с чашевидным углублением сближает ее со статуэткой из Маяк. Возможно, что погребение из Терновки относится к наиболее архаичному пласту усатовской культуры.

Крайне схематичная фигурка из Садового находит отдаленные аналогии в трактовке фигуры в пластике позднейшего Триполья и сходна монументальностью со статуэткой из кургана Сушки (рис. 7, 6–8).

Оригинальная поза, характерная для статуэток усатовского типа, встречается в пластике неолитических и раннебронзовых культур очень редко. Возможно, отдаленным прототипом образа, который воспроизводит сидящую склоненную вперед антропоморфную фигуру может служить поза фигурок из Винчи и Триполья В I (рис. 7, 13–14).

Исследование антропоморфной пластики усатовской культуры доказывает ее самобытность на фоне антропоморфной скульптуры первобытности. Собственно, антропоморфная пластика усатовской культуры выступает одним из характерных признаков – идентификаторов или культурных маркеров, присущих именно этой культуре и выделяет ее из числа генетически связанных с ней или синхронных культурных группировок.

Системный анализ усатовской антропоморфной пластики, в частности с учетом контекста размещения фигурок, позволяет предполагать, что формально выделенные типы статуэток соответствуют иконографическим типам, которые воплощали различные, но близкие по смыслу, сакральные образы, а статуэтки использовались в погребальном ритуале и жертвоприношениях.

Литература

- Агульников С.М., Сава Е.Н. 2005. Исследование курганов на левобережье Днестра. Кишинэу.
- Бибиков С.Н., 1953. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. К истории ранних земледельческо-скотоводческих племен на юго-востоке Европы // МИА, № 38. Москва, Ленинград.
- Болтенко М.Ф. 1925. Раскопки Усатовско-Большекуяльницкого поля культурных остатков // Вісник Одеської комісії краєзнавства, № 2/3 Одеса.
- Брюсов А.Я. 1952. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. Москва.
- Бурдо Н.Б. 2004. Тваринництво трипільської культури // ЕТЦ. Т. II. К., 195–197).
- Бурдо Н.Б. 2013. Реалистическая пластика культурного комплекса Триполье – Кукутень. Saarbrücken.
- Бурдо Н.Б. 2018. Антропоморфная пластика курганных погребений РБВ в Буго-Днепровском междуречье и Поднепровье // *Tyragetia*, v. XXII [XXVII], nr. 1.
- Бурдо Н.Б. 2018а. Антропоморфна пластика усатівської культури // Стародавнє Причорномор'я. XII. Одеса.
- Гошкевич В.И. 1903. Клады и древности. Херсон.
- Відейко М.Ю. 2004. Трипільська культура. Історія досліджень // ЕТЦ. Т. I. К.
- Дергачев В.А. 1980. Памятники позднего Триполья (опыт систематизации). Кишинев.
- Дергачев В.О. 2004. Пізній період трипільської культури // Енциклопедія трипільської цивілізації. Т. I. К.
- Дергачев В.А., Манзура И.В., 1991, Погребальные комплексы позднего Триполья. Кишинев.
- Добровольський А. Речі трипільської культури Херсонського музею // НА ІА НАНУ, особистий фонд А.Д. № 13.
- Збенович В. 1974. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. К.
- Кричевский Е.Ю. 1941. О процессе исчезновения трипольской культуры // МИА № 2. Москва – Ленинград.
- Лагодовская Е.Ф. 1943. Проблемы усатовской культуры // Научные записки Института истории и археологии УССР. № 1. Уфа.

- Лагодовская Е.Ф. 1948. Усатовская культура и ее место в археологическом прошлом Украины // Вестник АН УССР. 6. Москва.
- Лагодовська О.Ф. 1953. Пам'ятки усатівського типу // Археологія, т. 8.
- Малюкевич А.Е., Агульников С.М., Попович С.С. 2017. Курганы Правобережья Днестровского лимана у с. Молога. Одесса – Кишинев.
- Манзура И.В. 2013. Культуры степного энеолита // // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса.
- Маркевич В.И. 1981. Позднетрипольские племена Северной Молдавии. Кишинев.
- Мовша Т.Г. 1984. Хронология Триполья-Кукутени и степные культуры эпохи раннего металла в ее системе // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровк.
- Нариси стародавньої історії УРСР. 1957. К.
- Пассек Т.С. 1949. Периодизация трипольских поселений // МИА № 10. Москва – Ленинград.
- Пассек Т.С. 1961. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья // МИА № 84. Москва.
- Патокова Э.Ф. 1971. Отчет о раскопках усатовского грунтового могильника в 1971 г. // НА ИА НАНУ 1971/86.
- Патокова Э.Ф. 1979. Усатовское поселение и могильники. К.
- Патокова Э.Ф. 1986. Антропоморфная пластика Маяцкого могильника // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. К.
- Патокова Э.Ф., Петренко В.Г., Бурдо Н.Б., Полищук Л.Ю. 1989. Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье. К.
- Петренко В.Г. 1980. О семантике усатовской антропоморфной пластики // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя. К.
- Петренко В.Г. 1989. Усатовская статуэтка, найденная в Нижнем Подунавье // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. К.
- Петренко В. 2003. Епонімне Усатове та проблема генезису усатовської культури // Трипільська цивілізація у спадщині України. К.
- Петренко В.Г. 2004. Усатівська антропоморфна пластика // ЕТЦ, Т. II.
- Петренко В.Г. 2004а. Усатівська культура // ЕТЦ, Т. II.
- Петренко В. Г. 2004б. Курган «Садовое» // ЕТЦ, Т. II.
- Петренко В. Г. 2004в. Вихватинський тип // ЕТЦ, Т. II.
- Петренко В.Г. 2013. Усатовская культура // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья. Одесса.
- Ржевська Ю.О. 2004. Херсонський обласний краєзнавчий музей // ЕТЦ, Т. II.
- Рыбалова В.Д. 1964. Некоторые новые данные к изучению позднетрипольской культуры на Южном Буге // Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
- Селинов В.И., Лагодовская Е.Ф. 1940. Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г. (Усатовская культура). СА, V.
- Ткачук Т.М. 2005. Знакові системи Трипільсько-Кукутенської культурно-історичної спільності (мальований посуд етапів В II-С II, г II). Вінниця.
- Товкайло М.Т., Фоменко В.М. 2013. Грунтовий могильник усатівського типу на Гарді // Північне Приазов'я в епоху кам'яного віку – енеоліту. До 100-річчя від народження В.М. Даниленка. Мелітополь, смт Мирне.
- Фоменко В.М., Бурдо Н.Б., Спіцина Л. А. 2014. Багатошарова пам'ятка Ташлик II // Археологія і давня історія України. Колекції наукових фондів Інституту археології НАН України. Результати досліджень. 1 (12). К.
- Burdo N. 2014. Anthropomorphic plastic art of Trypillia culture: dialectic of similarities and differences. Anthropomorphism and symbolic behaviour in the Neolithic and Copper Age communities of South-Eastern Europe. Suceava.

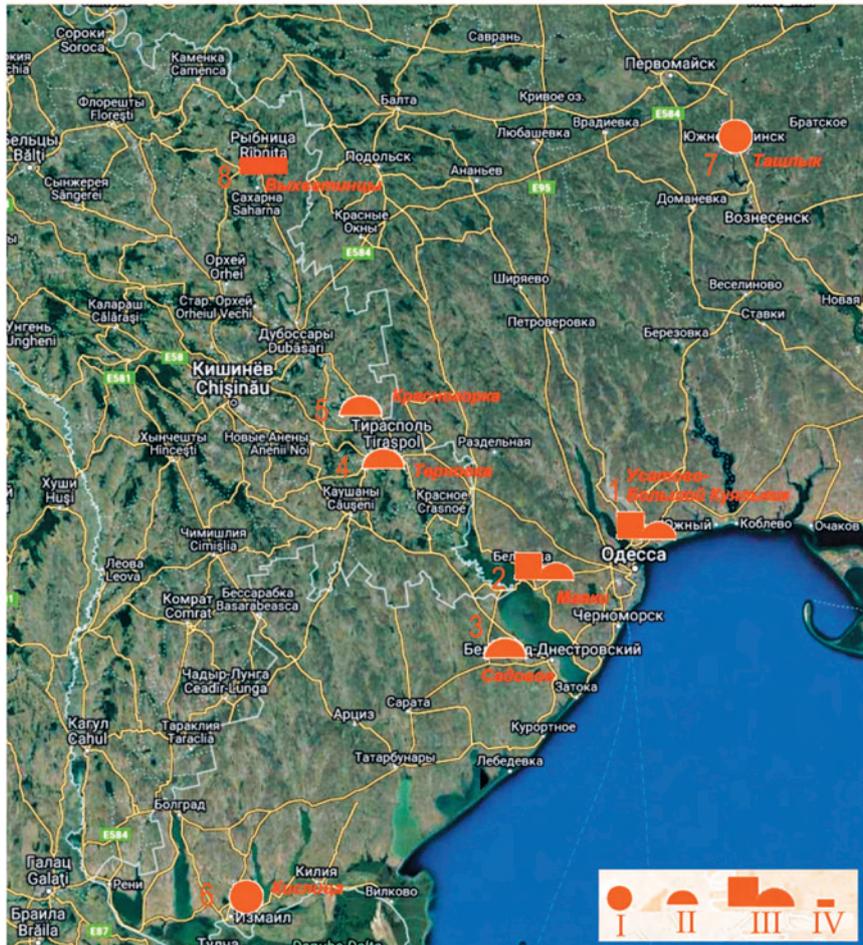

Рис. 1. Карта памятников с находками антропоморфной пластики.
 1 – Усатово-Большой Куяльник, 2 – Маяки, 3 – Садовое, 4 – Терновка, 5 – Красногорка,
 6 – Кислица, 7 – Ташлык II, 8 – Выхватинцы. I – находки вне объектов; II – курганные
 захоронения; III – обрядовые центры из некрополей и городища; IV – грунтовой некрополь
 выхватинской локально-хронологической группы Триполья С II.

Стоящие статуэтки I				Сидящие статуэтки II			
I 1 выхватинский тип	тип I 2 стоящие прямо	I 3 тип Маяки		II 1 усатовский тип		II 2 красногорский тип	II 3
		I 3 а стоящие прямо	I 3 б стоящие склоненные	II 1 а	II 1 б		

Рис. 2. Типология антропоморфной пластики усатовской культуры.

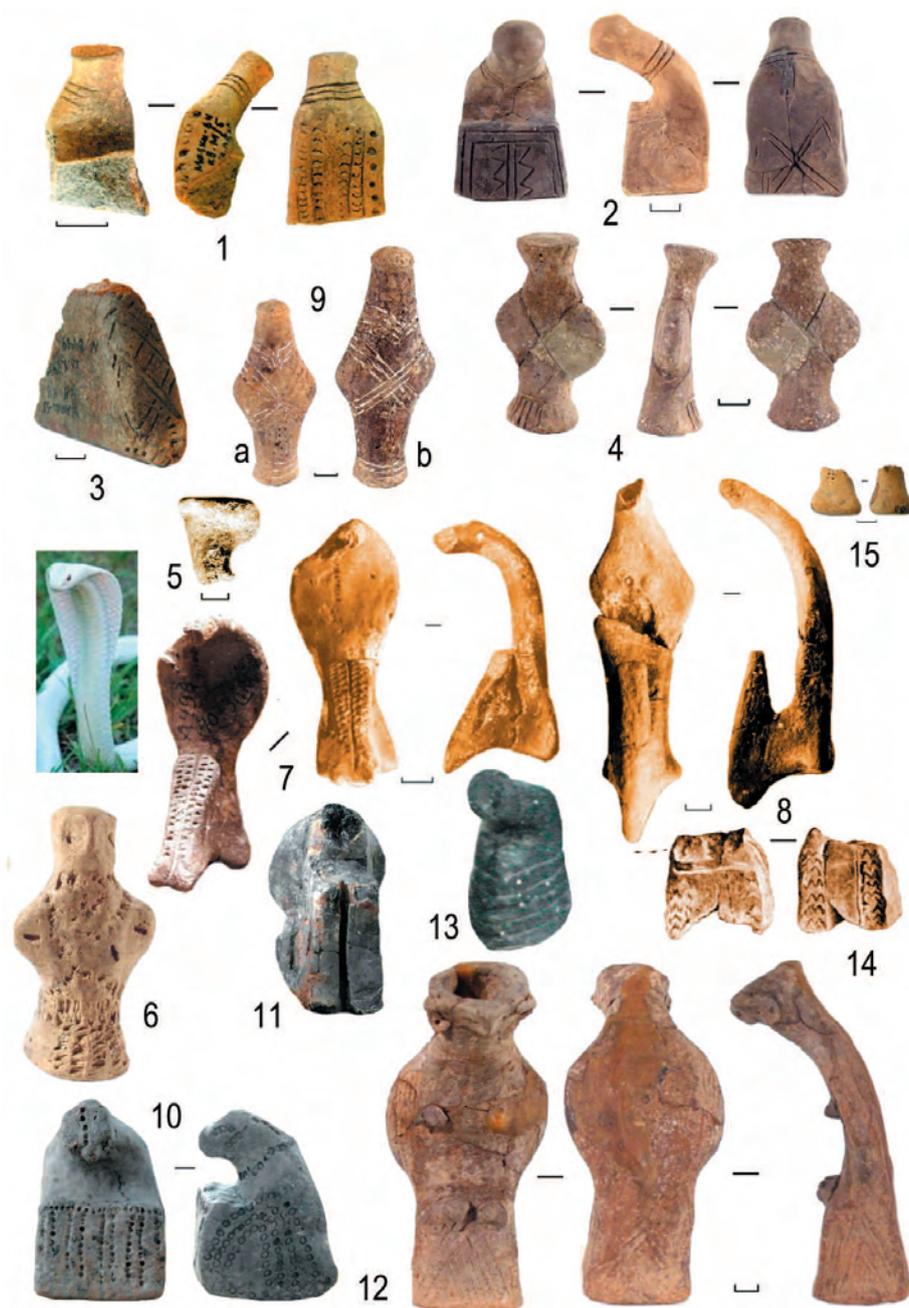

Рис. 3. Антропоморфная пластика усатовской культуры.

1–6 – городище Маяки; 7–8 – курган Красногорка (7–8 по Добровольский: табл. III, 204), 7а – Херсонский областной краеведческий музей; 9–12 – Маяки, некрополи; 13 – культовая яма из 2-го грунтового некрополя Усатово; 14 – культовая яма кургана II-1 Усатово; 15 – Ташлык II (1, 3, 5 – Научные фонды ИА НАНУ; 4, 6, 9–13 – ОАМ НАНУ; 2, 4, 6, 9 – по Петренко 2004; 12 – по Патокова 1986; 14 – по Селинов, Лагодовская 1940).

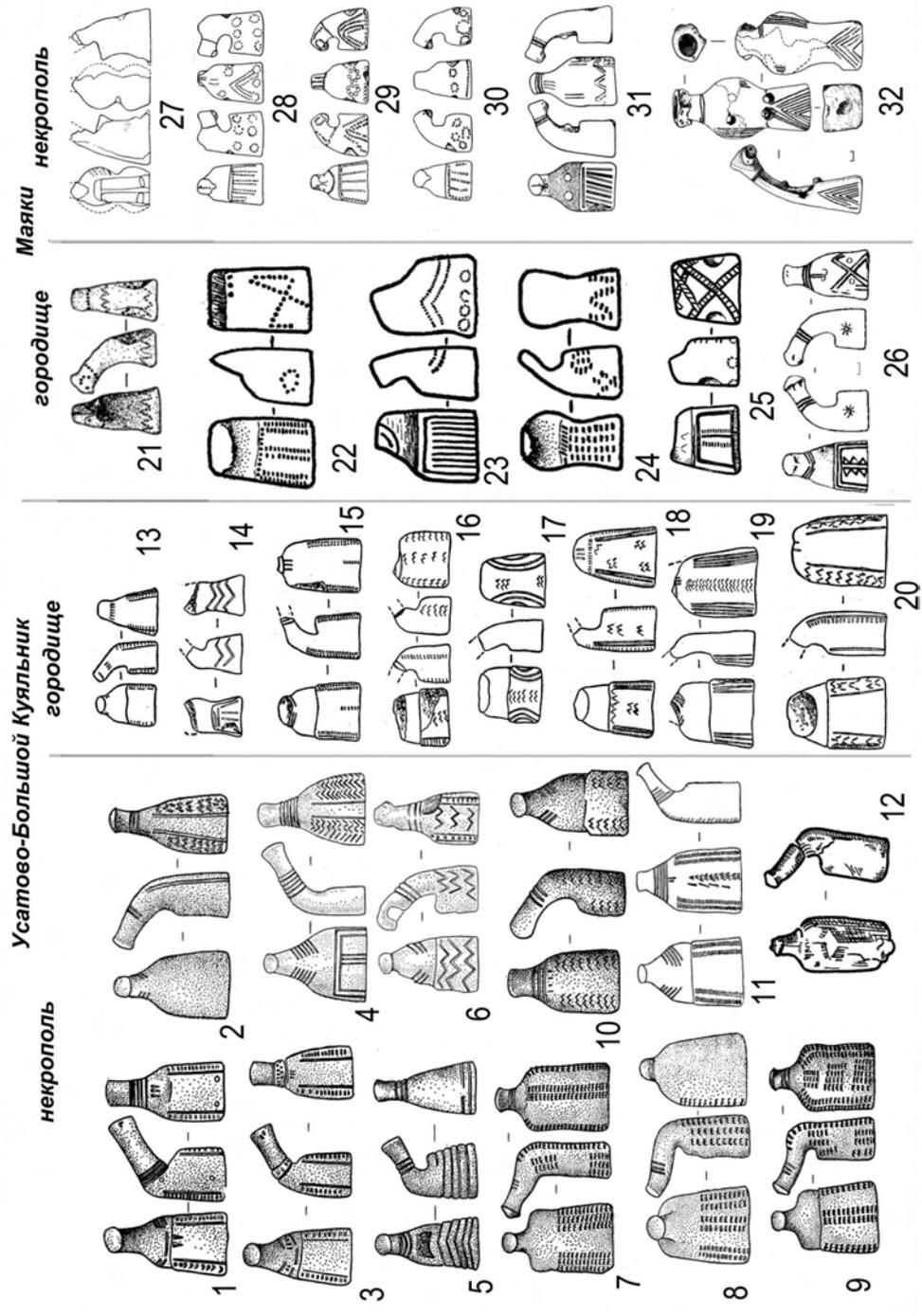

Рис. 4. Антропоморфные статуэтки из обрядовых центров Усаатово-Большой Куяльник и Маяки. 1–12 – Усаатово, некрополи, 13–20 – Большой Куяльник (по Патокова 1979); 21–26 – Маяки, рвы (21–25 – по В. Г. Збеновичу; 26 – по Патокова и др. 1989); 27–32 – Маяки, некрополи (по Патокова 1986).

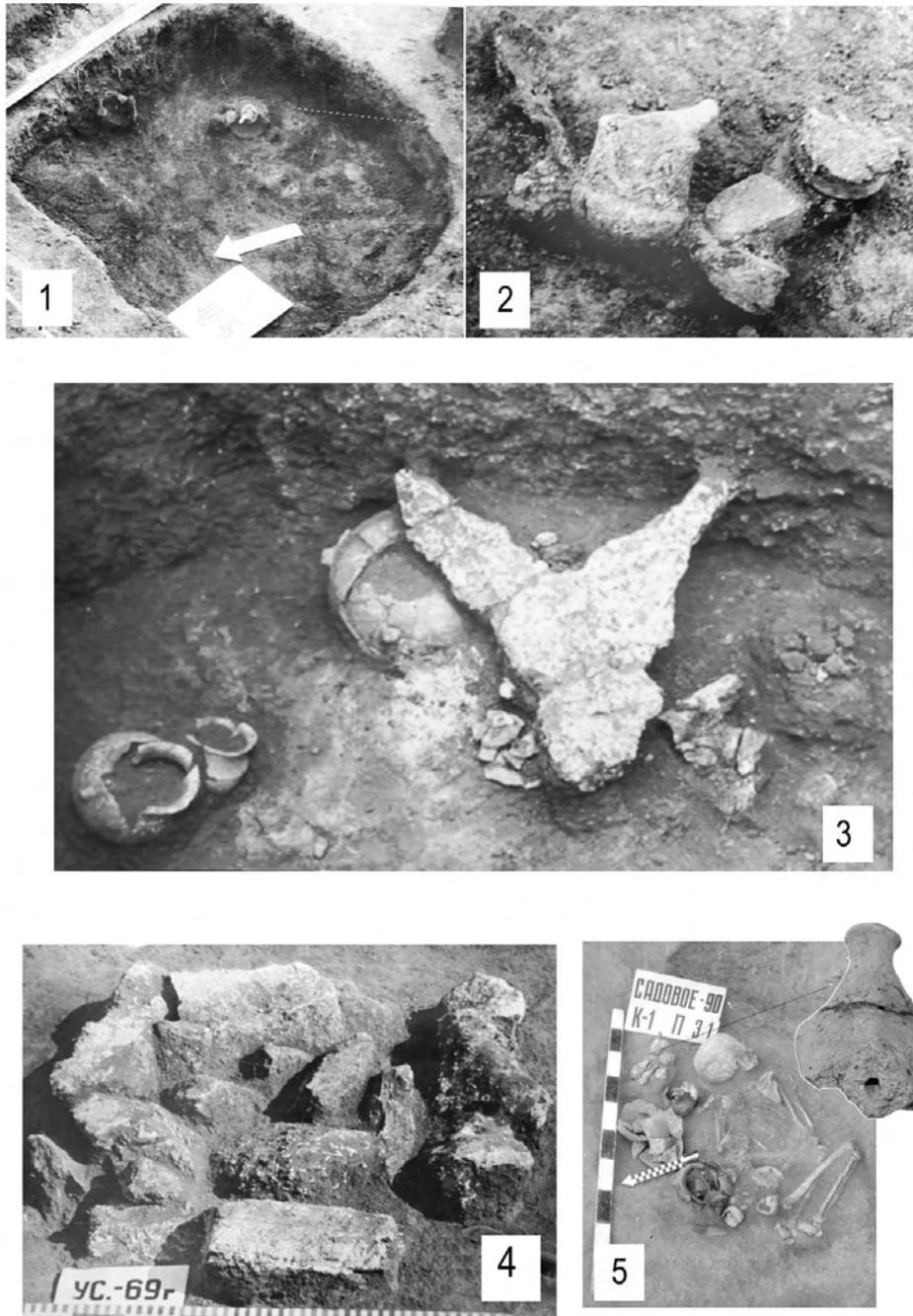

Рис. 5. Контекст находок усатовской антропоморфной пластики.
 1–2 – 2-й грунтовой могильник Усатово, культовая яма № 2 (по Патокова 1971);
 3 – Усатово, курган II-1, культовая яма № 3 (по Селинов, Лагодовская 1940); 4 – Усатово,
 группа 5 грунтового некрополя. Каменная закладка над погребением № 5, в которой
 найдена статуэтка (по Патокова 1989); 5 – курган Садовое (по Петренко 20046).

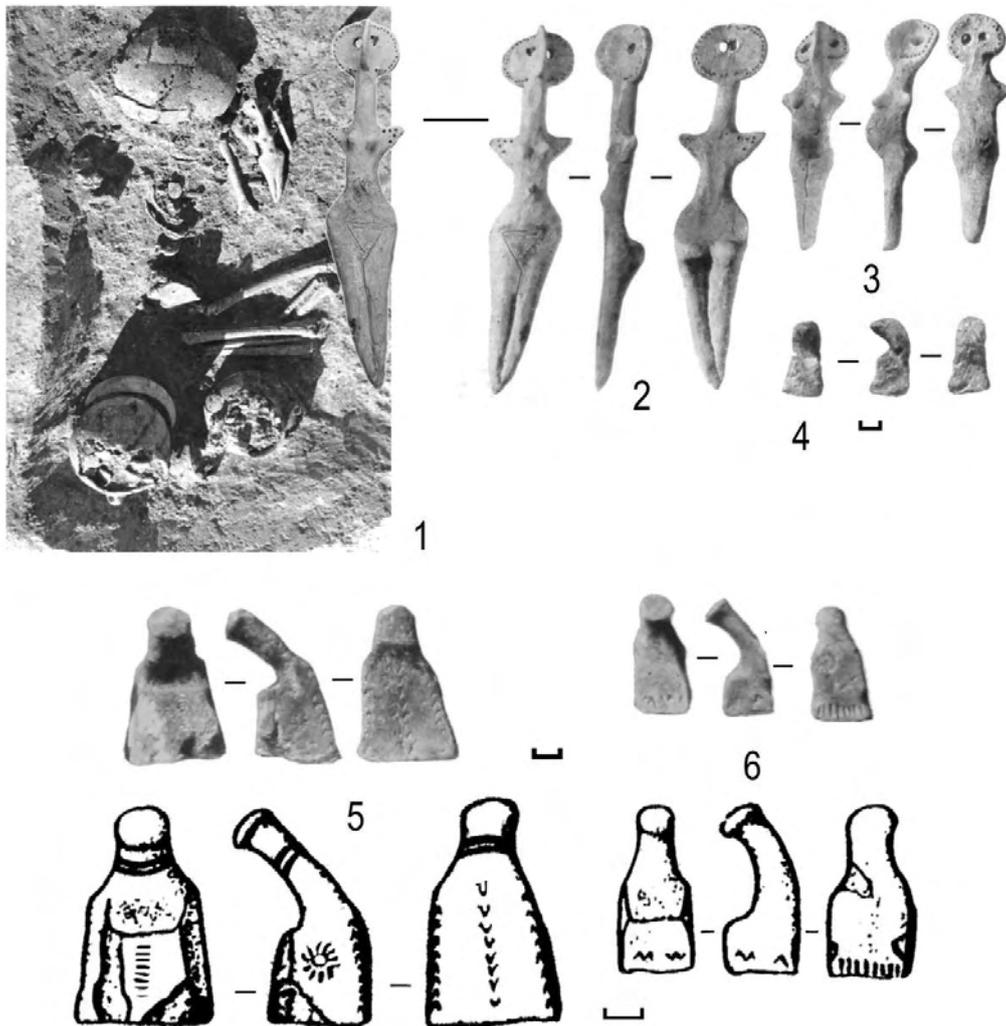

Рис. 6. Выхватинский некрополь.
 1-4 – погребение № 52 (47); 5-6 – погребение № 57 (42).
 1 – по Петренко 2004в, 2-6 – по Пассек 1961.

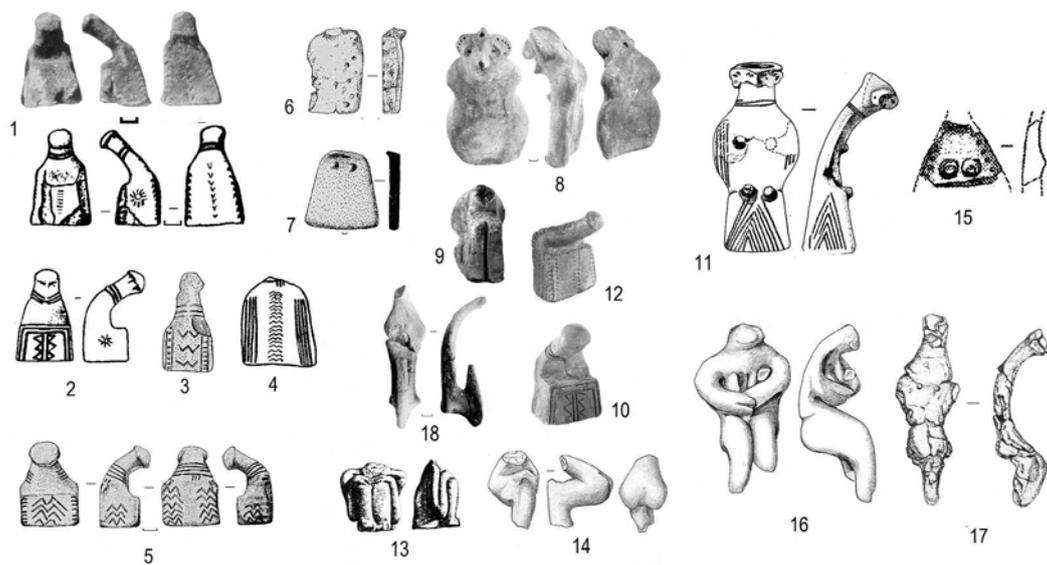

Рис. 7. Антропоморфные статуэтки энеолита – РБВ.

- 1 – Выхватинцы; 2 – Маяки, городище; 3, 12 – Усагово, 2-й грунтовой некрополь;
 4 – Большой Куяльник; 5 – Кислица; 6 – курган Садовое (по Малюкевич и др. 2017);
 7 – Печера (Триполье С II); 8 – курган Сушки; 9–11 – Маяки, некрополи;
 13 – культура Винча (по Parzinger 1993); 14 – Лука-Врублевская,
 Триполье В I (по Rogoŕeva 1985); 15 – культура Чернавода I (по Манзура 2013);
 16 – Сушковка, Триполье С I (по Rogoŕeva 1985); 17 курган Терновка
 (по Агульников, Сава 2005); 18 – курган Красногорка.

Parzinger H. 1993. Studien zur Chronologie und Kulturgeschichte der Jungstein-, Kupfer- und Frühbronzezeit zwischen Karpaten und Mittlerem Taurus, t. 2// Romisch-Germanische Forschungen, b. 52. Mainz am Rhein.

Passek T. 1935. La céramique tripolienne. Известия ГАИМК, вып. 122. Ленинград

Pogoševa A.P. 1985. Die Statuetten Tripolje-Kultur// Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie, bd. 7. Berlin.

Sulimirski T. 1968. Corde Ware and Globular Amphorae Notes-East of the Carpathians. London.

Summary

The work collected and analyzed the findings of 117 anthropomorphic figurines of the Usatovo Culture. The most complete representation of anthropomorphic plastic in ritual centers from Usatovo-Bolshoy Kuyalnik and Mayaky.

The most common type of anthropomorphic figurines from Usatovo Culture are figurines on a cuboid pedestal. These figurines are close to each other in size, technological and morphological features. They transmit the anthropomorphic image in the form of a squatting figure leaning forward. In general, the unique image of Usatovo terracotta suggests that they reproduce a sacred character combining anthropomorphic (female) features and features zoomorphic, perhaps a fantastic snake.

In the case of morphological and ideological unity, as well as the specificity of Usatovo anthropomorphic plastics, the standardization degree of statuettes is not high. Identical figurines were not present, even in those cases when similar in size and decor as a whole figurines come from one burial or a cenotaph.

With the morphological monotony of the figurines in general, their decor shows a considerable variety in details within the general principle of constructing ornamental patterns. Ornamental compositions created in according to stable canon, but were different in the decor elements that forming the sign system. The decor consists of a certain combination of symbolic elements and their placement on a figurine.

Comparison of the decor and some details of statuettes from different objects Usatovo-Bolshoy Kuyalnik shows, on the one hand, a noticeable difference between items, found at fortifications and necropolises, and on the other - the differences between the plastic from Usatovo-Bolshoy Kuyalnik and Mayaky. On the site of the great settlement of the Great Kuyalnik, M-shaped signs predominate, they also occur on statuettes from the Usatovo necropolis, but are absent on the statuettes from Mayaky. The difference in the familiar system of anthropomorphic plastics of different complexes of the Usatovo Culture may indicate that the pattern fixed the identity of the social groups of the Usatovo Culture tribes.

One should pay attention to the difference in the use of anthropomorphic figurines in the necropolises of Usatovo, where figurines were located in cultic pits, and Mayaky, where figurines were included in the funerary inventory, mostly at children's graves.

The investigation of the anthropomorphic figurines of the Usatovo Culture proves its originality against the background of the anthropomorphic sculpture of the other European cultures from Copper or Early Bronze Ages. Actually, the anthropomorphic figurines of the Usatovo culture is one of the characteristic features-identifiers inherent in this particular culture and distinguishes it from the genetically related or synchronized cultural groupings. The system analysis of Usatovo anthropomorphic plastics, in particular taking into account the context of the placement of figurines, suggests that the types of figurines formally distinguished correspond to iconographic types that embodied different but similar sacral images. It is possible to assume, that the figurines used in funeral rites and sacrifices.